Василий АВЧЕНКО

РОССИЯ. ТИХООКЕАНСКОЕ ОМОВЕНИЕ

Писатель из Владивостока размышляет о гранях дальневосточной мечты

Что такое дальневосточная мечта? Как она соотносится с общерусской? Жива ли она сегодня как осознанный сюжет существования Дальнего Востока? Зачем вообще России её восточное крыло? Вопросов много. Готовых ответов нет.

ОПЫТ ПРОШЛОГО: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК ПОЛИГОН

Дальний Восток — не данность, а итог работы многих поколений наших предков. И одновременно — долгосрочная задача для всей страны. Как мы с ней справимся — вопрос. Раньше как-то справлялись, несмотря на несовершенство технологий, внешние угрозы, внутренние проблемы вроде недальновидности и жадности чиновников…

У России был удивительный, невероятный XVII век: за какие-то полстолетия отряды казаков, пройдя космически необъятную Сибирь, вышли к Ледовитому и Тихому океанам, шагнули на соседний континент — в Русскую Америку (задолго до образования США). Россия стала самой большой страной мира, хотя территория ещё не была освоена и контролировалась слабо. Можно сказать и так: Россия по-настоящему стала собой. Без сибирского, азиатского крыла она рисковала стать рядовой европейской страной.

Енисейск и Охотск — узловые точки на восточном пути — старше Петербурга. Уже 1 октября 1639 года казаки Ивана Москвитина вывели судёнышко в Охотское море. Эта дата должна отмечаться как национальный праздник — Тихоокеанский день России.

Азиатский, океанский ландшафт изменил русского человека, обогатив новыми словами, смыслами, блюдами… И всё-таки в главном он остался собой; больше принёс, чем впитал.

Если представить страну организмом, в котором нет лишних аппендиксов, увидим: у каждого региона — своя миссия.

Порой пишут, что Сибирь (под Сибирью раньше понимали всё, что лежит к востоку от Урала, — до Берингова пролива) русские заняли сугубо ради соболя — "мягкой рухляди", валютоёмкого экспортного ресурса. Но всё-таки сводить освоение целого континента к соболю было бы слишком просто и неверно.

Пушкин, обратившись к национальной истории, вышел на три главных темы: государственность и прогресс (петровская эпоха); свобода и революция (восстание Пугачёва); приращение новых земель. В последние дни жизни он конспектировал "Описание земли Камчатки" Степана Крашенинникова. Обращал особое внимание на освоение новой земли, выстраивание отношений с местными народами… Не успел создать законченного произведения о Камчатке, но наметил вектор, который уловили Гончаров, отправившийся на "Палладе" в Японию, и Чехов, поехавший на каторжный Сахалин. Из классики XIX века, из записок путешественников Невельского, Венюкова, Пржевальского родился первый дальневосточный гений места — Арсеньев. Его продолжили Фадеев ("Последний из удэге"), Пришвин ("Женьшень"), Куваев ("Через триста лет после радуги")… Так рождалась литература дальневосточного фронтира. Нить не оборвана: в наши дни написаны "Язычник" Кузнецова-Тулянина, "Тойота-Креста" Тарковского, "Роза ветров" Геласимова, так или иначе наследующие названным и неназванным именам.

Помимо "меховой", Дальнему Востоку досталась другая миссия: защищать Россию. Причём — не от Востока, а, прежде всего, — от Запада. Именно экспансионистская активность европейских держав на Тихом океане в XIX веке толкнула Россию к занятию Приморья и Приамурья, которые фактически были ничьими, хотя формально относились к сфере интересов Китая. Здесь могли возникнуть западные колонии: новые Гонконги, Макао, Циндао; европейцы заняли бы Амур, Сахалин, Приморье, что означало бы появление совершенно иного расклада на века вперёд. Но для нас счастливо совпал ряд обстоятельств: Невельской, рискуя карьерой, доказал, что Сахалин — остров, устье Амура судоходно, а на самом Амуре нет китайцев; Николай I его поощрил, несмотря на недовольство топ-чиновников вроде Нессельроде; дипломаты Муравьёв и Игнатьев выиграли судьбоносную шахматную партию, защитив измученный Китай от очередной атаки англичан и французов, а взамен выторговав для России Амур и Уссури. А ведь англичане уже нанесли на карты бухту, где позже появился Владивосток, и нарекли её "Порт-Мэй". Однако основание Владивостока — ещё до заключения Пекинского договора — поставило мир перед фактом. Выход России к Японскому морю стал послесловием к Крымской войне и компенсацией за крушение старой мечты о проливах и Царьграде. Именно поэтому бухту, в которой возник Владивосток, назвали Золотым Рогом, как в Константинополе, пролив между городом и островом Русским — Босфором-Восточным. Владивосток с его несколько самонадеянно звучащим именем объявлялся — ни больше, ни меньше — Четвёртым Римом. Это была блестящая дипломатическая победа — прежде всего, над Западом.

К началу XX века регион стал, по слову Арсеньева, "буфером, выдерживающим натиски жёлтой расы". Учёный имел в виду прежде всего японцев, стремительно — за полвека — вестернизировавшихся, свернувших политику самоизоляции и одолевших Россию на сопках Маньчжурии и в водах Цусимы. На первую половину XX века главной угрозой с востока стала Япония: интервенция, Маньчжоу-го, Хасан, Халхин-Гол… — до маньчжурского блицкрига маршала Василевского в августе 1945-го. Эта угроза вынуждала не только держать на восточных рубежах войска (их в 1941-м будут отправлять под Москву — знаменитые "сибирские дивизии", большая часть которых формировалась на Дальнем Востоке), но и строить города, заводы, дороги, привлекать население. Проект БАМа как дублёра Транссиба, находящегося в опасной близости от границы, появился ещё до войны — именно в связи с японской угрозой. Позже проект реанимировали из-за рухнувших при Хрущёве отношений с Китаем. Перестроечные публицисты называли БАМ "дорогой в никуда" — а теперь мы слышим о необходимости прокладки второй очереди БАМа в силу уже не военных, а экономических соображений. Хочется верить, что дорога эта будет способствовать не только экспорту сырья, но и освоению территории.

На восток бежали от государства — и тем самым, по закону имперской диалектики, его укрепляли. Ссыльные мятежники и народовольцы: Янковский, Пилсудский, Серошевский, Тан-Богораз… — становились учёными, писателями, меценатами, укрепляя на востоке позиции той самой власти, против которой ещё недавно боролись.

Дальний Восток стал полигоном, где отрабатывались новые формы социальной организации: царская каторга и сталинский Дальстрой (где в первые годы, как и при Чехове на Сахалине, широко экспериментировали с зачётами и вольными поселениями), порто-франко и перевозка крестьян-переселенцев из Одессы судами Доброфлота, Дальневосточная республика ("красный буфер" между Советской Россией и занятым японцами Приморьем) и КВЖД — щупальце, протянутое Россией в Китай, украинский "Зелёный Клин" и Еврейская автономная область, золотой Магадан и "город Юности" Комсомольск, который строили арестант-поэт Заболоцкий и комсомолец-энтузиаст, будущий герой-лётчик Маресьев.

В 1930-х регион стал полем гигантских строек и в то же время — передним краем. На границе искрило; ожидалось, что новая большая война начнётся именно здесь. Не случайно именно в Хабаровске Аркадий Гайдар начал писать свою "Военную тайну", дышащую тревогой.

На мировых войнах неуязвимый для немецких подлодок Владивосток был перевалочной базой для союзнических грузов. Новыми соболями стали чукотское олово, колымское золото, якутские алмазы… Они шли на индустриализацию, оплату помощи союзников, восстановление страны.

В пору холодной войны на Камчатке появились атомные подводные "стратеги". Заполярный остров Врангеля стал аэродромом подскока для гипотетического удара по Америке. Тихоокеанский флот, отвечавший за Индийский и Тихий океаны, получил базу во Вьетнаме.

ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ НАСТОЯЩЕГО: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ ГЕКТАРОМ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ПРОВАЛУ

С крушением Советского Союза регион, более зависимый от государства, чем близкие к Москве развитые земли, потерял смысл и стержень своего существования. Офицеры, учёные, моряки шли в челноки; торговали корейской лапшой, китайскими шмотками, японскими автомобилями.

Государство вспомнило о Дальнем Востоке в середине нулевых; символическим перевалом стало решение провести во Владивостоке саммит АТЭС. Сегодня регион — и Владивосток, как его нервный центр, — вживается в новую роль. Это уже не только военный форпост — это окно в Азию, центр международного сотрудничества России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Новый выход в мир — уже не через балтийскую форточку.

В Приамурье построен космодром "Восточный", а обеспечивающий его работу Углегорск превращён в Циолковский — первый город, названный именем великого русского космиста. Владивосток пережил инфраструктурную перезагрузку, хотя построено ещё далеко не всё из запланированного. Оживление Севморпути и БАМа; возведение суперверфи в Большом Камне… — всё это проекты, без дураков, огромные и очень важные, невзирая на распилы, откаты и посадки. Путин бывает во Владивостоке чаще, чем любой из предыдущих руководителей государства.

Восточный поворот Россия обозначила ещё до Крыма и Донбасса; ухудшение отношений с Западом, по идее, должно интенсифицировать процесс нашей "истернизации".

Проблема в том, что усилия по "ускоренному развитию" Дальнего Востока часто кажутся декларациями. Создано Министерство по развитию Дальнего Востока, ряд госкорпораций, запущено несколько программ… — но результативность этих шагов пока, к сожалению, остаётся сомнительной. Наконец осознав, что Дальний Восток — не "чемодан без ручки", Москва не очень понимает, что с ним делать; к тому же наивно представлять Кремль как нечто монолитное. Греф до сих пор не запустил работу Сбербанка в Крыму — а его экс-заместитель, ныне глава Аэрофлота Савельев заявляет: "социальные" ("плоские") тарифы на полёты с Дальнего Востока в Москву могут отменить. Что чревато ослаблением территориальной связанности страны, её культурного единства.

Порой кремлёвские мечтатели, отчаявшись избавить Дальний Восток от родового проклятия отсталой территории, пытаются откопать ответы на наболевшие вопросы в прошлом. Когда-то на тихоокеанском побережье действовал режим порто-франко для снабжения Приамурья, оторванного от столиц, товарами — и вот во Владивостоке создают "свободный порт", а вокруг — "территории опережающего развития". Когда-то крестьяне ехали в Сибирь за землёй — и вот каждому дальневосточнику (в том числе потенциальному) предлагают бесплатный гектар, хотя уже ясно, что программа эта — мертворожденная.

К 20-м годам XXI века Дальний Восток слишком серьёзно изменился по сравнению с царскими и советскими временами. Но мы, если вспомнить слова Юрия Андропова, по-прежнему "не знаем страны, в которой живём". Кажется, что "дальневосточные" инициативы рождаются в изолированном кабинете, где нет даже карты России.

При царе и Советах тоже не всё шло гладко. Тот же Венюков писал: борьба за Амур выиграна в петербургских кабинетах. Война шла со своими же чиновниками, которые считали занятие Амура "муравьёвской затеей". Вспомним, сколько копий ломали вокруг проекта "Желтороссия"; как получившие головокружение от успехов при подавлении восстания "боксёров" в Китае генералы — тот же Стессель — сдавали Порт-Артур; сколько было "возвратников" — переселенцев, не прижившихся в Приморье…

Однако, так или иначе, в царское и советское время население Дальнего Востока росло, а после краха СССР стало падать. Если в 1991 году на Дальнем Востоке жило свыше 8 млн. человек, то через 20 лет осталось 6 млн. — на четверть меньше. В южном Владивостоке ситуация мягче, в северном Магадане — критичнее; единственное исключение — Якутск, население которого заметно прибыло (зато в целом по Якутии — упало). Даже в Приморье — относительно благополучном, южном, комфортном регионе — население сократилось с 2,5 до 1,9 млн. человек.

Сейчас, правда, дальневосточников вновь насчитывается свыше 8 млн. — но не потому, что сюда устремились переселенцы или что мы стали активнее рожать. Просто Бурятию и Забайкальский край передали из Сибирского в Дальневосточный федеральный округ. Однако в реальности, а не на бумаге, отток продолжается: дальневосточники уезжают в Москву, Петербург, на Кубань, в Калининград… В своё время президентский полпред Исхаков обещал переселить на Дальний Восток 18(!) млн. человек. Однако и эта, и другие программы провалены и забыты.

Пятый, юбилейный Восточный экономический форум состоится 4-6 сентября на острове Русском во Владивостоке. Шесть тысяч его гостей примет кампус Дальневосточного федерального университета

Формальным поводом для включения Улан-Удэ и Читы в число дальневосточных городов стало решение распространить на Забайкалье действие новых экономических инструментов — территории опережающего развития, дальневосточный гектар… Но уже сама перекройка границ регионов показывает: мы толком не понимаем, где у нас Дальний Восток, где Сибирь, где Забайкалье. Понятие "Дальний Восток" условно; это огромный и крайне неоднородный регион, как нечто единое существующий только на бумаге. Трудно найти более несхожие земли, чем заполярная Чукотка и субтропическое Приморье, промороженная Якутия и бамбуковый Сахалин. Границы административные не всегда соответствуют культурным, историческим и даже географическим.

Или взять недавний перенос дальневосточной столицы из Хабаровска во Владивосток. Действительно, Владивосток давно перетягивает одеяло на себя: здесь построены мосты, новый аэропорт с аэроэкспрессом, филиал Мариинки, действуют десятки дипломатических миссий… Де-факто Владивосток стал ведущим городом Дальневосточного региона. Но не менее резонны и возражения. Объективно Дальний Восток би-столичен: часть окружных структур квартирует в Хабаровске, часть — во Владивостоке. Хабаровск расположен ближе к географическому центру гигантского региона. Не случайно здесь находилась штаб-квартира приамурского генерал-губернатора; центром Дальневосточного края, существовавшего до 1938 года, тоже был Хабаровск. Генерал Пуликовский — первый дальневосточный полпред президента — в 2000 году обосновался в Хабаровске. Владивосток же расположен на краю, куда дальше Хабаровска от северных периферий. Недавнее включение в пределы ДВФО двух регионов, ранее относившихся к Сибири, делает перенос центра во Владивосток ещё менее осмысленным; с другой стороны, Хабаровск с утратой столичного статуса рискует резко провинциализироваться. А ведь внимания требуют все территории Дальнего Востока — не только сравнительно развитые Владивосток с Хабаровском. Дальневосточный географ, кандидат экономических наук Юрий Авдеев считает: с ролью центра ДВФО прекрасно справился бы Хабаровск, перед Владивостоком же стоит более серьёзная задача — быть восточной столицей страны, её окном в АТР. Порой звучат предложения превратить Владивосток в город федерального значения — "восточный Севастополь", что "зарифмует" Крым с Приморьем, увеличит значимость восточного форпоста, укрепит тихоокеанскую опору страны. Визионер Лимонов говорит о шаге ещё более радикальном — переносе столицы России в Сибирь…

"Восточный проект" есть, но пока он невнятен, будто соткан из морского тумана. Куда мы идём? Есть ли чёткий образ дальневосточного будущего России?

ПРИЗРАЧНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ БУДУЩЕГО: КУРСОМ НА ВОСТОК И СЕВЕР

Перед Россией стоит задача, масштаб которой сопоставим с тектоническими сдвигами петровских и ленинских времён.

Дальний Восток получает новую миссию, для которой его сегодняшнее имя уже не подходит. Да и вообще "Дальний Восток" — не имя, а лишь географическое определение, ничего объективного не означающее. Для приморца даже Иран — запад; для жителя Южно-Курильска и Япония — страна заходящего солнца. Под "центральной Россией" принято понимать её Дальний Запад: географический центр страны — где-то севернее Красноярска. Сама конфигурация России очевидным образом показывает: противопоставление Европы и Азии утратило смысл. Деление по "Камню" (Уралу) давно устарело; Европа окопалась на тихоокеанских берегах.

Географ, академик РАН Пётр Бакланов считает: в названии "Дальний Восток" слышны относительность и евроцентризм. "Может быть, для Европы мы и дальние, но для Азии и, тем более, для самих себя — нет", — говорит член-корреспондент РАН, историк Виктор Ларин. Он убеждён: термин "Дальний Восток" — вериги, влияющие на отношение Москвы к соответствующим землям и водам.

В качестве альтернативы "Дальнему Востоку" предлагается "Тихоокеанская Россия". Если "Дальний Восток" ориентирован вовнутрь, то "Тихоокеанская Россия" — вовне. Мы включаем в поле зрения океан (ведь Дальний Восток — не только территория, но и акватория: 200-мильная экономическая зона России, выход в Мировой океан) и подчёркиваем российскую принадлежность соответствующих земель и вод (это важно, потому что в мире под Far East понимают что угодно, только не ДВФО).

Предложенная романтиками от науки "Тихоокеанская Россия" — точнее и содержательнее привычного "Дальнего Востока". Это распахнутая в океан бесконечность, прочно связанная с родным материком. Вместо "дали" и "востока" — Россия на Тихом океане.

Никто, впрочем, не предлагает переименовать Дальневосточный федеральный округ в Тихоокеанскую Россию — хотя бы потому, что данные понятия не совпадают. Скажем, Якутию или Бурятию едва ли можно причислить к Тихоокеанской России. Оба термина могут существовать параллельно; можно говорить о Дальнем Востоке в контексте административного деления страны и о Тихоокеанской России как о планетарной геополитической категории, международном названии области от Чукотки до Приморья, — Pacific Russia.

Конечно, содержание восточной политики важнее вывески. Но и слова имеют значение. Сколь принципиальны азиатские соседи: то, что для нас Южные Курилы, для Японии — исключительно "северные территории". Корейцы не признают названия "Японское море" — только "Восточное море Кореи". Русские, несмотря на сложный анамнез отношений с Японией, толерантнее: пусть будет Японское…

Не раскрытый по-настоящему потенциал — связи с АТР. В прошлом году исполнилось 400 лет контактам России с Китаем, но культурное их взаимовлияние — очень слабое, даже на Дальнем Востоке. Мешает миф о "жёлтой опасности" и китайской экспансии: говорят, что российский Дальний Восток "неизбежно" отойдёт Китаю, что фактически он уже китаизирован… Редкий случай: здесь либералы сходятся с патриотами. Хотя на Дальнем-то Востоке очевидно: китайцев здесь нет, кроме туристов и горстки коммерсантов с парикмахерами; а если в Китай гонят контрабандой сибирский лес — проблема не в китайцах, а в наших законодателях, исполнителях и силовиках. Ни отторгать российские территории, ни заселять даже свои "севера" Китай не хочет и не может, население КНР сосредоточено в мегаполисах юга страны. Да и, в конце концов, это русская армия несколько раз вступала в Китай и даже штурмовала Пекин — а не наоборот. С Европой мы воевали куда чаще и страшнее; почему же не поверить, к примеру, в захват шведами или финнами Выборга? Или в захват теми же китайцами не России, а — Казахстана, Монголии, Вьетнама? Тайваня для начала? А, может, Россия вслед за Крымом вернёт себе КВЖД и Аляску? Кроме шуток: чем такая постановка вопроса абсурднее фобий о передаче Дальнего Востока Китаю? Китайское соседство следует понимать не как опасность, но как возможность.

Примерно понятно, что следует делать на тактическом уровне: уровень жизни, инфраструктура, возможности, кадры, социалка, культура… В самой большой стране одним из нацпроектов должны быть дороги: скоростные поезда, недорогие самолёты, "кометы". Тем более — на Дальнем Востоке. Где, к примеру, на Камчатку и на Чукотку автомобильных и железных дорог нет вообще.

А — на стратегическом? Что России делать с Дальним Востоком? Лишний он — или необходимый?

Готовых ответов на "проклятые" вопросы нет, их нужно искать. В ходе поиска Москве следовало бы чутче прислушиваться к дальневосточному экспертному сообществу — немногочисленному, но неравнодушному и, по большей части, патриотичному. Возможно, нужен Дальневосточный институт международных отношений, который бы вырабатывал понимание того, как нам жить с азиатскими "тиграми". Владивосток и Хабаровск должны стать полноценными интеллектуальными центрами страны. Однако пока взаимопонимание между Москвой и отдалёнными периферииями зачастую даёт сбои.

"Необходимо выбрать стратегическое направление развития региона. Важнейшая задача — взаимодействие со странами АТР. Принципиальный вопрос: мы встраиваемся в арьергард сложившихся международных альянсов и выполняем функцию сырьевого придатка — или у нас есть потенциал, который обеспечит нам лидерские позиции? — размышляет Юрий Авдеев. — Имеются сферы деятельности, где сохраняется мировой авторитет России. Они могли бы стать приоритетными для развития дальневосточной экономики. Это всё, что связано с Мировым океаном; освоение космоса; культурное взаимодействие. Нужно формировать платформы для взаимодействия между государствами там, где можно избежать конфронтации. Ориентироваться не на конкуренцию — на сотрудничество".

Океан сегодня познан меньше, чем космос. А ведь в нём водятся не только лососи и подлодки; это нефть, транспорт, тот же космос, связи с АТР… Дальневосточные учёные ищут в морских ежах средство от рака и старения.

Север — перспектива на столетия, особенно с учётом потепления (вот: буквально на днях гидрографы Северного флота открыли пять островов, выползших из-под съёжившегося ледника у Земли Франца-Иосифа). Освоение шельфа, Севморпуть… Не случайно говорят о будущей битве за Арктику, а Трамп приценивается к Гренландии.

Заявив о восточном повороте, Россия ещё не поняла, что ей делать на Дальнем Востоке. Страна наша — центростремительная, консервативная, ориентированная, по большей части, на Европу. На то есть объективные причины: большая часть населения сосредоточена в европейской части страны, восточнее Красноярска нет ни одного города-миллионника; мы растём на русской, европейской, американской литературе и музыке… Обе головы нашего орла, как правило, смотрят на запад. В этой инертности — и спасение наше, и беда.

Следует, не умаляя значимости европейской компоненты, усилить восточную опору страны. России предстоит по-настоящему осознать себя в качестве тихоокеанской державы. Сам Пётр сегодня рубил бы новое окно — в Азию. Да ведь он и успел перед смертью снарядить Камчатскую экспедицию Беринга.

Нужно менять сознание — чтобы оно определяло бытие. Необходимо новое открытие, новое освоение Дальнего Востока, чтобы поэзия сопрягалась с рациональностью, а Запад — с Востоком, не нейтрализуя, а дополняя друг друга. Возможно, в этом и состоит наша сегодняшняя дальневосточная мечта.

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА

ВДНХ
ПАВИЛЬОН 75
ЗАЛ «А»
СТЕНД 0-1

6 СЕНТЯБРЯ в 17.00
НА СТЕНДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «КНИЖНЫЙ МИР»
наше завтра
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГУ ИГОРЯ ШИШКИНА
«БЕЗУПРЕЧНЫЙ ПАКТ»